

Познавая белый свет

«Ida» («Ида»)

Режиссер Павел Павликовский

Польша, Дания, 2013, — 81 мин.

Девушка Анна (Агата Тшебуховска) — послушница в монастыре. Вскоре она должна дать обет и стать монахиней. Но прежде настоятельница монастыря велит ей съездить в Лодзь и встретиться с теткой, единственной оставшейся в живых родственницей девушки. Тетка Ванда в первую же минуту встречи сообщает Анне, что та на самом деле не Анна, а Ида, еврейка.

Ее отец и мать, сестра Ванды, и вся семья Левенштейн, в том числе маленький сын Ванды, погибли во время войны в Тасках, их родной деревне. Анна и Ванда отправляются туда в надежде отыскать могилу Левенштейнов. Но прежде режиссер дает короткий эпизод: Ванда на службе. Она — служительница закона, судья. На стене за ее судейским креслом висит портрет Гомулки. Потом по разным мелким приметам, в частности, по песням, которые будет исполнять певица в кафе районной гостиницы, где женщины останутся на ночлег, мы сможем вычислить, что время действия фильма — поздние 1960-е.

Ванда и Анна приходят к избе, где когда-то жили Левенштейны. Нынешние хозяева не хотят пускать их в дом, настроены враждебно, чего-то боятся.

Анна не понимает, чего. Но мы-то, зрители, понимаем. Мы знаем, что случилось в 1941 году в польском селе Едвабно. Мы видели польский фильм Владислава Пасиковского «Poklosie» («Последствия», «Колоски»). Мы догадываемся, отчего у польских крестьян может быть совесть нечиста и в чьей избе иные из них могут жить. Ванда трезвый до цинизма, жесткий, решительный человек, и она к тому же профессиональный дознаватель. Ей не понадобилось много времени, чтобы понять: вот этот мужик, хозяин избы, он и убил ее семью. «Как ты прикончил моего сына? Топором зарубил?», — неожиданно и страшно спрашивает она этого Яся или как его там. И Ясь не отрицает, и Ясь соглашается отвести евреек на могилу.

Женщины стоят в лесной чащобе, а Ясь копает. Откопал маленький череп и передал Ванде, она сняла с головы платок, завернула в него голову сына. Анна спрашивает: «А почему я не тут?» То есть, почему она не в могиле. Ясь объясняет: «Ты была маленькая, по тебе нельзя было определить, что ты еврейка. Я отвез тебя в монастырь. А их пришлось убить». Надо понимать так: Ясь и его семья сначала прятали Левенштейнов, кормили их, а потом, узнав, что немцы будут обыскивать дома, решили уничтожить всю семью, чтоб самим не погибнуть как еврейские пособники. Значит, Ясь не зверь. Такова жизнь...

Тихий, черно-белый, короткий (всего 81 мин.), аскетичный фильм. «Колоски» были картиной цветной, экспрессивной; молодой поляк, внук одного из крестьян — участников еврейского погрома, узнав, что случилось шестьдесят с чем-то лет назад, метался, мучился, а в конце концов дети и внуки тех крестьян убили его, чтоб он много не болтал. Это выглядело жутко, но как-то натянуто.

В «Иде» все проще и страшней. Человек убил других людей не из расизма, не из корысти, он, наоборот, сочувствовал и помогал им, но вот пришлось убить — и убил. Ванде очень тяжело, но как бы это сказать... ментально, мировоззренчески не так уж тяжело. Череп сына в сумке — последняя капля, она и прежде всякого навидалась. Была на войне, потом крутилась в судебной системе сталинской Польши. Мимоходом она рассказала Анне, что в должности прокурора добилась расстрела двух «врагов народа». Потом, видно, разочаровалась в социализме. (Надо учесть, что это конец шестидесятых, период развернутой Гомулкой антисемитской кампании). Теперь Ванда не верит ни во что — отсюда ее цинизм, пьянство и

неверность мужу, когда она готова переспать с первым попавшимся мужиком в гостинице. В ее душе тьма, но, по крайней мере, ей все ясно насчет человечества, в том числе и себя самой. Анна — совсем другое. Она верующая, и она молодая, молчаливая, думающая, ее взгляд на мир еще не затвердел. Если Ясь, спасший ей жизнь, убил ее родителей, тогда... Вот она познакомилась в кафе с молодым музыкантом. Симпатичный, талантливый и, кажется, добрый парень. А что, если бы он оказался на месте Яся? Встречая любого человека, Анна теперь не сможет отрешиться от внутреннего вопроса: а что, если бы он оказался на месте Яся?

Ванда возвращается домой, заводит пластинку с симфонией Моцарта «Юпитер» и, выпив последнюю стопку водки, быстро и просто выбрасывается из окна.

Анна тем временем возвращается в монастырь и говорит настоятельнице, что еще не готова принять обет. Она снова едет в Лодзь, приходит в дом Ванды, сидит в комнате, из окна которой та выбросилась, подходит к окну, долго смотрит в него... Нет. Отказаться от жизни — значит отказаться от Бога. Надо жить, надо верить. Только теперь это будет трудней. Цветаева написала: «Все поэты — жида». Анна должна теперь жить как католичка, осознавшая в себе жидовку, принявшая в душу еврейские муки как свои. Покинув дом Ванды, она отправляется в тот районный городок, встречается с парнем-музыкантом и проводит с ним ночь. И затем женщина Анна-Ида опять возвращается в монастырь.

Я думаю, это не следует понимать так, что она решила перед полным отказом от земных радостей все-таки отведать их. Анна хочет быть монахиней, но монахиней, которая полюбила, любила хоть одну ночь, того, кому она уже не может беспечно верить, кто может оказаться Ясем. Но она хочет, она должна верить, что он им не окажется, и она отдалась ему. Когда она откажется от мира, это будет отказ не от чуждо-незнакомоего, а от того, что все равно останется в ней. Чтобы любить людей, мало что зная о них, верить в Бога не обязательно. Но зрячая любовь к человеку без поддержки Бога, наверное, невозможна.

Последние кадры: Анна идет по темнеющей зимней дороге. Звучит музыка. Это фортепианное исполнение части «Ich Ruf zu Dir, Herr Jesus Christ» — «Я зываю к тебе, Господи Иисус Христос», из хоральной прелюдии Баха.

Использовать великую музыку в кино — большой риск: если фильм окажется «не на уровне», получится конфуз. Этот маленький, простой фильм заслужил великую музыку. Европейская киноакадемия признала «Иду» лучшим фильмом минувшего года.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»

<http://bakino.at.ua/>